

УДК 1(091)(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-2-46-63

Имена коллективов в СССР.
Коллективные личности
в самовосприятии советского общества
(взгляд «философии имени» А.Ф. Лосева)

Рустем Р. Вахитов

*Уфимский университет науки и технологий,
Уфимской государственной нефтяной технической университет,
Уфа, Россия, Rust_R_Vahitov@mail.ru*

Анна Е. Родионова

*Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, Уфа, Россия, aer1969@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме имен трудовых коллективов в советском обществе. Наличие у коллективов имен указывает на то, что люди этого общества воспринимали их как личности, ведь имя имеет только личность.

В качестве теоретико-методологической базы используются идеи философии мифа и философии имени А.Ф. Лосева. Согласно А.Ф. Лосеву, социализм – это общество, где абсолютизируется материальное производство. Человек понимается при социализме лишь как часть трудового коллектива, который является коллективной личностью, и именно он наделяет статусом личности отдельного человека. Посредством имени коллектива последний встраивается в социальную реальность, общается с другими коллективами и государством. В статье производится классификация имен коллективов, выдвигается предположение, что этот феномен представлял собой секуляризацию традиции именования храмов в русском православии.

Ключевые слова: личность, коллективная личность, советское общество, социализм, миф, имя, А.Ф. Лосев

Для цитирования: Вахитов Р.Р., Родионова А.Е. Имена коллективов в СССР. Коллективные личности в самовосприятии советского общества (взгляд «философии имени» А.Ф. Лосева) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 2. С. 46–63. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-2-46-63

© Вахитов Р.Р., Родионова А.Е., 2024

Names of collectives in the USSR.
Collective personalities
in the self-perception of soviet society
(the view of A.F. Losev's "philosophy of the name")

Rustem R. Vakhitov

*Ufa University of Science and Technology,
Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russia,
Rust_R_Vahitov@mail.ru*

Anna E. Rodionova

*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla,
Ufa, Russia, aer1969@mail.ru*

Abstract. The article deals with an issue of the labor collectives' names in Soviet society. The fact that collectives have names indicates that the people of that society regarded them as personalities, because only a person can have a name.

The ideas of the philosophy of myth and the philosophy of the name created by AF Losev are used as a theoretical and methodological basis. According to AF Losev, socialism is a society where material production is absolutized. Under socialism, a person is understood only as part of a labor collective, which is a collective personality and it is precisely the entity which gives the status of the personality to an individual. Through the name of the collective, the latter is integrated into social reality, communicates with other collectives and the state. The article classifies the names of collectives, suggests that such a phenomenon represented the secularization of the tradition of naming churches in Russian Orthodoxy.

Keywords: personality, collective personality, Soviet society, socialism, myth, name, A.F. Losev

For citation: Vakhitov, R.R. and Rodionova, A.E. (2024), "Names of collectives in the USSR. Collective personalities in the self-perception of soviet society (the view of A.F. Losev's 'philosophy of the name')", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 46–63, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-2-46-63

Постановка проблемы

Одной из малоосознанных особенностей советского общества было обилие в нем имен коллективов. Свои собственные имена имели заводы (Автомобилестроительный завод имени И.А. Лихачева),

фабрики (Кондитерская фабрика имени Н.К. Крупской), университеты (Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова), институты (Уфимский авиационный институт имени Серго Орджоникидзе), метро (Московский метрополитен имени Лазаря Кагановича), библиотеки (Российская государственная библиотека имени В.И. Ленина), детские организации (Пионерская организация им. В.И. Ленина) и их подразделения (пионерская дружина им. Н. Гастелло), стройотряды (студенческий отряд имени С. Чекмарева), бригады (бригада токарей имени XXIII съезда партии) и т. д. Явление это было настолько распространенным, что даже стало предметом иронии в советской литературе: в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова упоминается «общезитие студентов-химиков имени монаха Бертольда Шварца» (как известно – изобретателя пороха).

Вместе с тем имя – принадлежность личности, а личность, как писал об этом А.Ф. Лосев в «Диалектике мифа», «...предполагает прежде всего самосознание, интеллигенцию. Личность этим именно и отличается от вещи»¹. При помощи имени к личности обращаются, вступают с ней в контакт, и наоборот – личность через свое имя открывает себя миру, другим личностям. Не-личность (например, стол, камень) имени не имеет, а имеет лишь название. Конечно, столы отличаются друг от друга, имеют индивидуальные особенности, но это не играет роли, тогда как в случае личности ее уникальность принципиально важна, и как раз она и отражается в имени. Таким образом, мы подошли к осознанию проблемы, которой посвящена наша статья. Присваивание коллективам (и прежде всего – трудовым коллективам) имен в рамках советской цивилизации недвусмысленно указывает на то, что людьми этой цивилизации они воспринимались как некие *коллективные личности*. Конечно, такое восприятие было интуитивным, бессознательным, так как официозная философия этого общества («исторический и диалектический материализм»), представлявшая собой вульгаризованный марксизм, не имела соответствующих категорий (попытка понять личность как сложное образование из нескольких тел была и у творческого марксиста Э.В. Ильенкова, но и это не было учением о личностях коллективов).

Между тем таковая концепция имела и имеется у философии христианского платонизма, особенно в русской ее версии, представленной, например, А.Ф. Лосевым [Резниченко 2012; Оболевич 2014]. К тому же у А.Ф. Лосева есть и философия истории, в которой

¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Мысль, 2001. С. 97.

предлагается особая трактовка социализма и его мифа. Эти теоретические выводы русского философа и легли в основу нашей статьи.

Философия имени А.Ф. Лосева

В работе «Вещь и ее имя» русский философ, христианский неоплатоник Алексей Федорович Лосев подробно раскрывает значение имени. По Лосеву, «имя вещи есть орудие существенно (III) и лично-индивидуально (IV) смыслового и умного (II) общения с нею (I) всего окружающего ее»². Проще говоря, мы можем общаться с кем-либо (например, с другим человеком) только при помощи его имени. Чтобы заговорить, нужно как-то позвать собеседника, обратить на себя внимание, сказать слово, которое заставит его отозваться, то есть его имя. Это может быть не «паспортное имя», но слово, которое как-то отражает особенности этого человека, его роль для нас, с которой он может согласиться (вспомним анекдотический пример об именовании в очереди: «женщина с зонтиком, которая за мужчиной занимала», это и есть ее имя в данной конкретной очереди). Именно это имеет в виду Лосев, говоря о смысловом и умном общении, то есть об общении со смыслом, причем не обязательно истинным, глубинным, а с одним из слов смысла субъекта, который обращен к нам в общении в данной ситуации. При этом необходимо помнить, что именуемый должен согласиться с этим именем. Лосев пишет:

Вы назвали меня Алексеем – не только потому, что вы знаете, что это имя есть мое имя, мое собственное имя, но еще и потому, что я признаю его своим и что я, услышав от вас свое имя, так или иначе отвечаю вам и заговариваю с вами³.

В нашем анекдотическом примере женщина должна согласиться с именованием ее «женщиной с зонтиком».

Синтезом этих двух походов (именования и согласия на это имя) можно считать положение Лосева о том, что «имя вещи есть потенциальная умная энергия взаимоотношения вещи с ее окружающим»⁴. Итог лосевского анализа природы имени: «имя вещи есть предел ее смыслового самовыявления»⁵.

² Лосев А.Ф. Вещь и имя // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль: Рос. открытый ун-т, 1993. С. 821.

³ Там же. С. 827.

⁴ Там же. С. 837.

⁵ Там же. С. 845.

Отсюда видно то, о чем мы говорили в самом начале: имя есть не у всякой вещи, а лишь у тех, что являются личностями:

...имя вещи, если мы согласились, что оно есть самопонимание вещи, является, в общем итоге, – вещи как объективно-определенной и в повелительном откровении и самовыявлении данной личности. Другими словами, имя может быть только у такой вещи, которая есть 1) личность, 2) объективно-существующая, независимо от других вещей и самостоятельно⁶.

Лингвистическая интерпретация феномена имени собственного

Анализируя имена (в том числе – имена коллективов), следует учитывать и их лингвистический аспект. В лингвистике имеется подробно разработанная наука об именах – ономастика. Предметом изучения ономастики является оним (от др.-греч. ὄνυμα – ‘имя, название’) – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов, его индивидуализации и идентификации⁷. Интересующий нас объект исследования называется в ономастике эргоним – «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка»⁸. В составных номинациях объединений людей лингвисты выделяют апеллятивную (нарицательную) и онимическую (собственную) части, например Московский (собственное) государственный университет (нарицательное) имени М.В. Ломоносова (собственное). Объект может менять нарицательную и собственную части (и для имен коллективов это особенно распространенное явление). Но изменение нарицательной части связано напрямую с изменением статуса, данного государством (так, институты превращались в свое время в академии и университеты). А вот перемена собственного имени отражает более существенные, внутренние изменения. К примеру, Университет дружбы народов с 1992 по 2023 г. не носил имя Патриса Лумумбы, и это несомненно было связано с изме-

⁶ Там же. С. 840.

⁷ Мезенко А.М. Теория имени собственного: Учеб. пособие / А.М. Мезенко, В.М. Генкин, А.Н. Деревяго; Под общ. ред. А.М. Мезенко. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. С. 7.

⁸ Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Супранская. 2-е изд. М.: Наука, 1988. С. 166.

нением внутренней политики государства. Постсоветская Россия, в отличие от СССР, сначала переориентировалась с вектора на страны «третьего мира» и антиколониализм на союз с Западом, теперь же победили противоположные тенденции. Итак, имена коллективов социально обусловлены, что проявляется в общественной оценке отдельных имен, «наличии у отдельных общественных групп любимых, нелюбимых и даже загубленных имен»⁹ и т. д.

Отметим, что лингвистический аспект исследований обычно в российской науке слабо связан с философским. Н.В. Подольская отмечает:

В ономастике используются лингвистические методы, поскольку она является лингвистической дисциплиной; иногда наблюдается их трансформация и специализация, вызванные особенностями материала и процессов; применяются также методы, имеющие научный характер: анализ, синтез, сравнение, обобщение¹⁰.

Мы постарались совместить лингвистические методы с методологией «философии имени» А.Ф. Лосева.

Понятие личности: индивидуальной и коллективной

К базисным понятиям нашего исследования относится не только «имя», но и «личность». Вначале мы уже писали, что, согласно А.Ф. Лосеву, личность предполагает самосознание. Но этого мало: «личность как некое самосознание была бы чисто умным существом, вне времени и истории»¹¹. Личность должна еще иметь внутреннее ядро и связанные с ним акциденции, внутреннее и внешнее (на это указывает само слово: русское «личность», как и латинское «персона», означает личину, маску, под которой есть естественное, подлинное лицо, лик). Личность предполагает наблюдение и самонаблюдение, образ внешнего обо мне и мой – о внешнем, а также их взаимопроникновение и отождествление. Личность, как говорит Лосев, «субъект-объектное взаимопознание», «выразительная категория»¹². Личность предполагает тело, которое – «живой лик души»¹³.

⁹ Мезенко А.М. Указ. соч. С. 32–33.

¹⁰ Подольская Н.В. Указ. соч. С. 80.

¹¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнения к «Диалектике мифа» М.: Мысль, 2002. С. 97.

¹² Там же. С. 98.

¹³ Там же. С. 99.

По Лосеву, личность апофатична, в своих глубинах непознаваема и невыразима, но вместе с тем она только и делает, что выражает себя на разных уровнях: от физического, телесного до социального и духовного. Личность символична и даже мифична и одновременно с этим – исторична.

Наконец,

...личность, «я», есть субстанциальная осуществленность и реализация и познания, и чувства, и воли; тот их совершенно неразложимый и единичный носитель, который не есть ни одно из них, но который сразу воплощает их в некоем нерушимом идеальном единстве¹⁴.

Личность и общество – категории, взаимно предполагающие друг друга. Личность возможна только в обществе, и общество возможно только среди личностей. Личность несет на себе все свойства общества, и общество несет на себе все свойства личностей¹⁵.

«Понятие “личность” невозможно мыслить вне отношения с другим, то есть с человеком или с Богом» [Цепелева 2015, с. 195], – пишет Н.В. Цепелева. Для Лосева было важно противопоставление относительной и Абсолютной личности, человека и Бога. Другие русские мыслители, принадлежавшие к школе религиозной философии, восходившей к В.С. Соловьеву, подробно разработали проблематику коллективной личности. Интересно в связи с этим обратиться к небольшой работе Н.С. Трубецкого «От автора» (предисловие к книге «Проблемы русского самосознания»). Н.С. Трубецкой был одним из главных идеологов евразийства и писал от его имени:

Евразийство значительно углубляет и расширяет понятие личности, оперируя не только с частночеловеческой, но и с многочеловеческой, «симфонической», личностью. Так, личностью с евразийской точки зрения является не только отдельный человек, но и народ. Мало того, даже целая группа народов, создавших, создающих или могущих создать особую культуру, рассматривается как особая личность: ибо культура как совокупность и система культурных ценностей предполагает целесообразное творчество, а такое творчество предполагает личность, немыслимо без личности. Таким образом, наряду с частночеловеческими личностями существуют личности многочеловеческие – как частнонародные, так и многонародные¹⁶.

¹⁴ Лосев А.Ф. Личность и абсолют. М.: Мысль, 1999. С. 448.

¹⁵ Там же. С. 464.

¹⁶ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. С. 93.

Как видим, основанием для того, чтобы утверждать, что «кроме индивидуальных существуют еще коллективные личности», Трубецкой считал факт творчества. Личность для него – субъект творчества. В самом деле, мы же говорим, что народ – создатель песен, пословиц, анекдотов, частушек. Очевидно, что ту или иную частушку придумал конкретный человек, скорее всего, нам неизвестный. Но многократное «редактирование» ее различными исполнителями усовершенствовало ее и превратило в плод коллективного творчества. Хотя бы поэтому мы и можем говорить о народе как об авторе, творце, а значит, и своеобразной «личности». Эту проблему поставил еще В. фон Гумбольдт, который утверждал:

Языки можно считать творением народов и в то же время они остаются творением отдельных лиц... создания народа предшествуют созданиям отдельных лиц, хотя сказанное нами довольно ясно показывает, как тесно связаны между собою деятельность лиц и деятельность народов¹⁷.

Говоря более широко, Гумбольдт показал, что «в качестве субъекта творческой деятельности могут выступать: человечество, народ, отдельный человек, сила духа и – косвенным образом – сам язык»¹⁸. Передавая мысль Гумбольдта, А.А. Потебня подчеркивает именно личностный и творческий характер народов: «язык есть создание народов, которые следует представлять себе духовными единицами»¹⁹. А.А. Федоренко поясняет это так:

Слово, будучи плодом коллективного сознания, вбирает в себя в определенной степени весь интеллектуальный и духовный потенциал народа, так что его можно рассматривать в этом случае своеобразной максимой народного единения [Федоренко 2005, с. 15].

Возвращаясь к Н.С. Трубецкому, надо заметить, что его определение личности не противоречит определению, которое давал ей

¹⁷ Гумбольдт В. О различии организмов человеческих языков и о влиянии этого развития на умственное развитие человеческого рода. СПб., 1859. С. 34–35.

¹⁸ Цит. по: *Фещенко В.В.* Язык как творчество и творчество в языке: к истории лингвистической идеи // Критика и семиотика. 2012. Вып. 17. С. 88.

¹⁹ *Потебня А.А.* Полное собрание трудов: Мысль и язык / Подгот. текста Ю.С. Рассказова и О.А. Сычева, коммент. Ю.С. Рассказова. М.: Лабиринт, 1999. С. 35.

А.Ф. Лосев, так как сознание и самосознание – тоже творчество, сам процесс познания, как показал еще И. Кант – активный, а не пассивный процесс.

Коллективными личностями в этом смысле можно считать не только народы и цивилизации, как это делали евразийцы, но и трудовые коллективы, как воспринимало их советское общество.

Роль трудового коллектива в советском обществе и в его «мифе»

Коллектив и особенно – трудовой коллектив составлял центр социального бытия в СССР. Павел Кудюкин называет советские коллективы «производственными квазиобщинами» и пишет: «Жизнь большинства советских людей структурировалась их рабочим местом. Советское общество было чрезвычайно производственно-центричным» [Кудюкин 2012, с. 44]. С этим невозможно не согласиться. Советский человек в идеале всю свою жизнь должен был провести в одном трудовом коллективе, придя туда после окончания школы, техникума или вуза и уйдя через много десятилетий оттуда же на пенсию. Люди, менявшие рабочие места по своему собственному желанию, а не по требованию государства, презирались и именовались «летунами». За эти десятилетия, проведенные в окружении одних и тех же людей, человек обрастал не только деловыми, но и дружескими и иными связями, и фактически настоящая жизнь проходила на работе, а не дома. Александр Зиновьев тонко уловил это, говоря о коммунальном характере отношений в обществе «реального коммунизма». Он заявляет в книге «Коммунизм как реальность», что коммунальность «получает благоприятные условия в коммунизме и расцветает здесь пышным цветом»²⁰. Под коммунальностью он понимал

...отношения между людьми, вытекающие из самого того факта, что людей много и они вынуждены так или иначе сталкиваться друг с другом, общаться, распадаться на группы, подчинять, подчиняться. <...> В этом аспекте люди тоже совершают действия, но уже в интересах своих отношений внутри своего целого²¹.

Действительно, этим советское общество отличалось от общества капитализма, где люди тоже объединены в коллективы, но

²⁰ Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М.: Центполиграф, 1994. С. 31.

²¹ Там же. С. 32.

отношения в коллективах подчинены деловому принципу, связаны с функциями производственной, учебной и т. п. деятельности коллектива. При капитализме «на работе» люди «делают деньги», а межличностному «общению ради общения» посвящают досуг, свободно избирая себе партнеров для него. В советском обществе, как уже говорилось, практически вся жизнь проходила в коллективе, на дом и семью приходился лишь «остаток суток», необходимый для сна. Человек, ставивший семью и дом выше интересов трудового коллектива, официально осуждался как «мещанин»²².

Эти реалии жизни в СССР подтверждали анализ социализма, который был дан А.Ф. Лосевым в «Дополнениях к “Диалектике мифа”» еще в конце 1920-х гг., при возникновении советского общества. Лосев рассматривал в этой своей работе «миф социализма», то есть специфическое мировоззрение социалистического общества, заставляющее людей действовать тем или иным образом. По Лосеву, суть этого мира – абсолютизация материального производства. «Производство – вот тот новый абсолют, который призван заменить либерально-гуманистического субъекта»²³, – пишет философ. Субъект производства, производительный класс, пролетариат, трудящиеся наделяются здесь атрибутами божества: «Производящий класс вечен, всеправеден, всемогущ, вездесущ, вседозволен, неизменяем, всеблаженен и т. д., и т. п.»²⁴, а труд воспринимается в этом мифе как волшебная магическая сила, которая обезьяну превращает в разумное существо – человека, а негодяя-преступника – в положительного, сознательного гражданина. При социализме производству, как пишет Лосев, «приписывается всеисцеляющая, всечеловечески-осчастливливающая, спасающая весь мир и чудотворная сила»²⁵.

Но отдельный человек здесь рассматривается как полноценная личность только в случае, если он влился в какой-либо коллектив и занимается вместе с другими производственной деятельностью. «Личность тонет в общей стихии своего инобытия, т. е. в стихии общества»²⁶, – пишет Лосев про социализм. Разумеется, Лосев не утверждает здесь, что при социализме человек перестает быть личностью. Человек перестает здесь воспринимать себя и других как личностей, если они оторвались от труда, материального производства. Замечательным подтверждением этого предположения является тот факт, что в советских лагерях заключенным присва-

²² Реальность, конечно, несколько отличалась от официальной схемы.

²³ Лосев А.Ф. Диалектика мифа... С. 494.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 493.

ивали номера и обращались к ним по номерам (между прочим, «Один день Ивана Денисовича» в авторской редакции назывался «Щ-854. Один день одного зэка»; Щ-854 – это номер Ивана Денисовича Шухова, главного героя повести). Показательно, что в эпоху перестройки номера у заключенных исчезают, и на рубы пришивают полоски с фамилией; условный «Щ-854» превратился в «осужденного Шухова», и так обстоит дело и в современных российских лагерях и колониях (см., напр. [Кучинский 1997]). Это понятно: пришли капиталистические отношения, а при капитализме каждый человек безусловно понимается как личность, независимо от того, хорош он или плох, трудится или пребывает в праздности; здесь личность просто отождествляется с индивидом (зато утеряно понимание коллективной личности, коллектив воспринимается просто как сумма индивидов-личностей).

Не будем забывать и о том, что, выйдя на свободу, советский бывший зэк обязательно трудоустраивался, становился членом советского коллектива, и ему снова возвращалось имя. Он вновь становился личностью (это неправда, что человек при социализме вообще никогда не воспринимался как личность!), но только потому, что на него распространялись теперь эманации личности более высокого порядка – личности коллектива, без причастности к которой и человек вновь терял «ореол личности».

Имена коллективов в СССР и христианская традиция именования

На каком же основании мы можем утверждать, что коллектив тогда воспринимался как личность и что его название было его именем в вышеописанном смысле слова? Напомним, что Лосев характеризует личность как самосознающую интеллигенцию, или, говоря проще, сущность, обладающую самосознанием. Вспомним теперь повседневность советского коллектива. Огромную роль в его жизни играли разного рода собрания – профсоюзные, комсомольские, партийные, а также просто собрания трудового коллектива, «товарищеские суды», выборы партторгов, профторгов, членов месткома и т. д. На этих собраниях вырабатывалась точка зрения всего коллектива. Полагаем, это как раз и были манифестации *самосознания своеобразной «коллективной личности»*. Несмотря на то что членам коллектива часто все это казалось формальностью, напрасной тратой времени, на самом деле в ходе таких мероприятий люди начинали ощущать себя частью единого многолического, надындивидуального целого.

Другой формой манифестации личности трудового коллектива была, безусловно, его деятельность (своеобразное «трудовое творчество»), по успешности или неуспешности которой его оценивали государство и общество.

Эта коллективная личность, конечно, нуждалась в имени. Лосев пишет:

Имя есть всегда какая-то сила, направленность, стремление, обращение и обращенность. Имя по природе своей активно... Имя всегда есть как бы некие щупальцы, активно схватывающие жизнь и осознающие, оформляющие действительность²⁷.

Давая себе имя, коллектив заявлял о себе, претендовал на какое-то место в советской действительности.

Попробуем проиллюстрировать примерами, как советские трудовые коллективы заявляли о себе при помощи имени коллектива. При этом нам придется произвести классификацию этих имен, в ходе чего мы увидим принципы и закономерности такого именования.

Итак, предприятия и учреждения в советское время могли получить имя (и получали его).

1. В честь выдающегося деятеля в данной области, роль которого аналогична роли бога-покровителя ремесла у язычников или святого покровителя рода деятельности в христианстве (пример – Льнообъединение имени И.Д. Зворыкина в городе Кострома; Иван Дмитриевич Зворыкин (1870–1932) – русский и советский инженер, изобретатель быстроходной льнопрядильной машины для мокрого прядения льна, Герой Труда).

2. В честь революционных, партийных деятелей, деятелей международного левого движения, отношения к данному роду деятельности не имевших, но входивших в «коммунистические святцы» («Трёхгорная мануфактура» им. Ф.Э. Дзержинского) – старейшее московское текстильное предприятие).

3. В честь знаменитых людей, родившихся и живших в городе, где расположено предприятие или учреждение, носящее их имя – своеобразные «гении места» (Архангельский государственный педагогический институт им. М.В. Ломоносова).

4. В честь основателя или преобразователя к нынешнему виду (Высший литературно-художественный институт имени В.Я. Брюсова – создан в 1921 г. по инициативе В.Я. Брюсова, Кондитерская фабрика им. П.А. Бабаева до революции была фабрикой Абрико-

²⁷ Лосев А.Ф. Вещь и имя... С. 831.

сова, национализирована и превращена в советское предприятие революционером П.А. Бабаевым, получила название «фабрика им. рабочего П.А. Бабаева»).

5. В честь значимых мероприятий, событий, дат (Башкирский государственный университет им. 40-летия Октября).

6. В честь значимых организаций, которые тоже могли восприниматься как коллективные личности (Ленинградский Ордена Октябрьской Революции и Ордена Трудового Красного Знамени технологический институт имени Ленсовета).

7. В честь обобщенных персонажей, положительных с точки зрения идеологии (швейная фабрика «Большевичка», образована в 1924 г. на базе Ямской ватной фабрики, получила название «Большевичка» в 1926 г., Ленинградский «Пролетарский завод», Московский станкостроительный завод «Красный Пролетарий», Ярославская хлопчатобумажная фабрика «Красный перевал» (до 1922 г. – Норская мануфактура)).

Легко заметить, что существует преемственность и даже некоторый параллелизм между религиозной традицией (христианской и дохристианской) и советской традицией именованя заводов, фабрик, университетов и т. д. Не зря П. Кудюкин назвал советские трудовые коллективы «производственными квазиобщинами». Само это название указывает на генетическую связь их с дореволюционными русскими крестьянскими общинами, которые, напомним, долгое время совпадали с приходами церкви. В русском православии мы тоже видим именованя храмов в честь²⁸:

- 1) Христа, Богородицы, персонажей священной истории (храм Христа Спасителя);
- 2) святых – покровителей места и профессии (храм во имя святого священномученика Августина, архиепископа Калужского и Боровского, храм свщм. Татьяны при МГУ);
- 3) событий священной истории (Крестовоздвиженский храм, храм Рождества Богородицы).

Мы можем выдвинуть гипотезу, что выросшие в лоне православия русские люди переносили религиозные практики именованя храмов на именованя предприятий в советский период, которые также воспринимались как своеобразные «храмы труда» и их общины в силу псевдосакрального статуса труда в марксистской советской идеологии.

Интересно заметить также, что если право присвоить храму какое-либо имя давали высшие органы церкви (например, Синод),

²⁸ Храмы России: Список стандартизированных имен храмов. URL: <http://temples.ru/names.php> (дата обращения 25 марта 2024).

то в СССР это право предоставляло государство, но по запросам и пожеланиям представителей общественности. Так, в постановлении Совмина СССР от 22 февраля 1961 г. говорилось:

Идя навстречу многочисленным пожеланиям, выражаемым общественными организациями Советского Союза и зарубежных стран, и учитывая большое количество писем, поступающих в правительственные органы СССР с ходатайствами советских и иностранных граждан... в память о выдающемся деятеле национально-освободительного движения Африки, герое конголезского народа премьер-министре Республики Конго Патрисе Лумумбе... присвоить Университету дружбы народов в Москве имя Патриса Лумумбы²⁹.

В раннесоветские времена, впрочем, были случаи обращений и к самим носителям этих имен. В 1922 г. правление Вятского пединститута, отражая желание всего коллектива, обратилось к В.И. Ленину с просьбой согласиться на присвоение имени Ленина институту. 4 ноября 1922 г. Ленин сначала через Крупскую (глава государства был уже тяжело болен), а потом и телеграммой такое согласие дал. Институтцы восторженно ответили:

Дорогой Владимир Ильич... мы, институтцы, даем тебе честное пролетарское слово отдать все силы на то, чтобы сделать институт достойным твоего светлого гения. Мы посылаем тебе открытое письмо с описанием наших работ и нашего настроения, а правлению института поручаем лично тебе сделать доклад о работе института.

И, действительно, и Ленин, и Крупская затем следили за работой института, заказывали и читали отчеты, приглашали его руководителей к себе в Горки. Институтцы называли Владимира Ильича «идейным шефом института»³⁰.

Имелись примеры иного рода, когда сам Ленин или представители его секретариата отказывали трудовым коллективам в праве носить имя Ленина. В 1923 г. в управление делами Совнаркома обратился ректор Казанского университета проф. Чебоксаров с просьбой присвоить университету имя Ленина. 28 марта ему отве-

²⁹ Постановление Совмина СССР от 22 февраля 1961 г. № 156. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=35840#04341492416963518> (дата обращения 25 марта 2024).

³⁰ Полвека в пути. Кировский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина, 1918–1968. Киров: Киров. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина, 1970. С. 38–44.

тили со ссылкой на Л.А. Фотиеву – секретаря Ленина, что считают это нецелесообразным, «принимая во внимание то состояние университета, в котором он находится в настоящее время», и отмечая, что «как состав профессуры, так и общая работа находятся далеко не на высоте»³¹.

Это проливает свет на смысл присвоения коллективам имени Ленина, а также вообще революционеров и создателей советского государства. На уровне интуиции советские люди понимали это так, что сами фигуры «советской священной истории» управляют их коллективом, да и страной в целом (и в то же время являются образцами для членов коллектива, и иные коллективы этого недостойны). Не будем забывать, что в праздничные дни парады проводились перед склепом с телом Ленина, на крыше которого была трибуна, где стояли здравствовавшие вожди как инкарнации самого Ленина. Это заставляет вспомнить обычай Византийской империи (к которой возводили свою модель власти русские цари). Во дворце базилиевса в Константинополе было два трона: по праздникам император сидел на левом, а на правом лежало Евангелие как символ Самого Христа, невидимо управляющего империей. По будням это место занимал базилевс как земной наместник Христа [Райс 2006, с. 27]. На этом примере мы лишний раз убеждаемся, насколько советское общество было пронизано неосознаваемыми религиозными интенциями.

Наконец, показательно, что в 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР принял специальный указ, запрещающий «присваивать краям, областям, районам, городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям имена государственных, политических деятелей, деятелей науки и культуры при их жизни»³². Очевидно, что это делалось в рамках борьбы с культом личности И.В. Сталина, дабы предупредить попытки других вождей и их «угодников» «прославиться при жизни», но не будем забывать, что по христианской традиции святым и покровителем каких-либо людей и занятий человек может считаться только после смерти.

³¹ Телеграммы конференций и собраний различных учреждений и организаций об избрании В.И. Ленина почетным председателем и переписка о присвоении имени Ульянова-Ленина Казанскому государственному университету. Описи. 1923. Фонд: СНК РСФСР // Президентская библиотека. URL: <https://www.prilib.ru/item/855803> (дата обращения 25 марта 2024).

³² Постановление Совмина СССР от 22 февраля 1961 г. № 156.

Заключение

Подведем итог. Коллектив, и прежде всего – трудовой коллектив, в советском обществе воспринимался как своеобразная личность, которая имеет свое имя. Это имя – орудие общения коллективной личности:

- 1) с личностью того, в честь кого коллектив назван (например, Ленина, который интуитивно рассматривается здесь и как незримый руководитель, и как член коллектива, являющий собой образец для подражания со стороны других членов);
- 2) с другими коллективными личностями (в том числе с теми, что носят то же имя);
- 3) с государством (которое не личность, но его ядро составляет другая коллективная личность – «партия как ум, честь и совесть нашей эпохи»);
- 4) с индивидуальными личностями, составляющими данный коллектив или могущими в него влиться (например, студентами-практикантами).

Предвидим возражение, что в капиталистическом обществе имеются тоже именованные трудовые коллективы, например туристическое агентство Кука, заводы Форда и т. д. На наш взгляд, это внешне похожие, но по сути несопоставимые явления. Завод Форда именуется так, потому что он был создан изобретателем и промышленником Генри Фордом (1863–1947), то есть он – как бы продолжение его индивидуальной личности. Работники этого завода, как нам представляется, все же не складываются в коллективную личность, потому что они не ассоциируются с его создателем, не являются его «продолжением». Мы уже упоминали о том, что, на наш взгляд, общество капитализма вообще не знает понятия «коллективная личность», это общество индивидуалистов, для которых существуют лишь индивидуальные личности. В нем, конечно, есть трудовые объединения, которым можно приписать «коллективную волю» (например, профсоюзы), но здесь мы имеем лишь совпадение интересов индивидов, а не возникновение нового качества. Завод же Ленина при социализме назывался так не потому, что его создал Ленин, не потому что его работники добровольно объединились ради общего интереса, связанного с выгодой каждого, а потому что они должны быть вместе ради высшей цели, и имя Ленина выступало как сгусток творческой энергии, наделявшей статусом личности всех, кто на заводе трудился.

Просим рассматривать нашу работу как постановку проблемы. Исследования имен коллективных личностей при социализме еще впереди.

Источники

- Гумбольдт В. О различии организмов человеческих языков и о влиянии этого развития на умственное развитие человеческого рода. СПб., 1859. 366 с.
- Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, Российский открытый университет, 1993. 958 с.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнения к «Диалектике мифа» М.: Мысль, 2001. 558 (1) с.
- Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность / Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994. 494 (1) с.
- Трубецкой 1999 – Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 560 с.

Литература

- Кудюкин 2012 – Кудюкин П. Производственная квазиобщина как центр жизненного мира // СССР: жизнь после смерти / Под ред. И.В. Глущенко, Б.Ю. Кагарлицкого, В.А. Куренного. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 44–54.
- Кучинский 1997 – Кучинский А.В. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Побег, тюремные игры. URL: <https://info.wikireading.ru/15103> (дата обращения 25 марта 2024).
- Оболевич 2014 – Оболевич Т. От имяславия к эстетике. Концепция символа Алексея Лосева: Историко-философское исследование / Пер. с польск. Е. Твердисловой. (Серия «Философия и наука») М.: ББИ, 2014. 443 с.
- Райс 2006 – Райс Т.Т. Византия: быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2006. 253 с.
- Резниченко 2012 – Резниченко А.И. О смыслах имён: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М.: РЕГНУМ, 2012. 416 с.
- Федоренко 2005 – Федоренко А.А. Проблема взаимосвязи языка и народа в творчестве А.А. Потебни и Н.С. Трубецкого (историко-философский анализ): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. 15 с.
- Цепелева 2015 – Цепелева Н.В. Онтогносеологические аспекты учения о личности А.Ф. Лосева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (59). Ч. II. С. 194–197.

References

- Fedorenko, A.A. (2005), *The issue of the relationship between language and people in the works of A.A. Potebnya and N.S. Trubetskoy (historical and philosophical analysis)*, Abstract of the PhD dissertation, Moscow, Russia.
- Kuchinsky, A.V. (1997), *Prestupniki i prestupleniya. Zakony prestupnogo mira. Pobegi, tyuremnye igry* [Criminals and crimes. Laws of the underworld. Escapes, prison

- games], available at: <https://info.wikireading.ru/15103> (Accessed 25 March 2024).
- Kudyukin, P. (2012), "Industrial quasi-community as the center of the life world", Glushchenko, I.V., Kagarlitsky, B.Yu. and Kurenny, V.A. (eds.) *SSSR: zhizn' posle smerti* [USSR. Life after death], Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia, pp. 44–54.
- Obolevich, T. (2014), *Ot imyaslaviya k estetike. Kontseptsiya simvola Alekseya Loseva. Istoriko-filosofskoe issledovanie* [From name worship to aesthetics. The concept of the symbol by Alexey Losev. Historical and philosophical research], BBI, Moscow, Russia.
- Reznichenko, A.I. (2012), *O smyslakh imen: Bulgakov, Losev, Florenskii, Frank et dii minores*. [On the Meanings of Names: Bulgakov, Losev, Florensky, Frank et dii minores], REGNUM, Moscow, Russia.
- Rice, T.T. (2006), *Vizantiya: byt, religiya, kul'tura* [Everyday Life in Byzantium. Religion, Culture], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.
- Tsepeleva, N.V. (2015), "Ontognoseological aspects of the doctrine of personality by A.F. Losev", *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 9 (59), part II, pp. 194–197.

Информация об авторах

Рустем Р. Вахитов, кандидат философских наук, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия; 450072, Россия, Уфа, ул. Заки Валили, д. 32;

Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия; 450064, Россия, Уфа, ул. Космонавтов, д. 1; Rust_R_Vahitov@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-9161-0899

Анна Е. Родионова, кандидат филологических наук, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия; 450000, Россия, Уфа, ул. Октябрьской революции, д. 3а; aer1969@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9374-5989

Information about the authors

Rustem R. Vahitov, Cand. of Sci. (Philosophy), Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia; bld. 32, Zaki Validi Street, Ufa, Russia, 450072;

Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russia; bld. 1, Kosmonavtov Street, Ufa, Russia, 450064; Rust_R_Vahitov@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9161-0899

Anna E. Rodionova, Cand. of Sci. (Philology), Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia; bld. 3a, Oktyabrskoi revolyutsii Street, Ufa, Russia, 450000; aer1969@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9374-5989.